
СОЦИОЛОГИЯ ПАНДЕМИИ

МОРГАН М. ПОЧЕМУ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: ПРИМЕР РЕАГИРОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА COVID-19.

Реф. ст. : MORGAN M. Why meaning-making matters : the case of the UK Government's COVID-19 response // American j. of cultural sociology. – 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 270–323.

Ключевые слова: коронавирус; социальная драма; жанр повествования; распределение ролей (кастинг); представление; смыслообразование.

Для цитирования: Оганян А.А. [Реферат]. Морган М. Почему смыслообразование имеет значение : пример реагирования правительства Великобритании на COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 3. – С. 110–118. Реф. ст.: Morgan M. Why meaning-making matters : the case of the UK Government's COVID-19 response // American j. of cultural sociology. – 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 270–323.

Keywords: COVID-19; social drama; narrative genre; casting; performance; meaning-making.

For citation: Oganyan A.A. [Article summary]. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2022. – N 3. – P. 110–118. Article summary: Morgan M. Why meaning-making matters : the case of the UK Government's COVID-19 response. American j. of cultural sociology. – 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 270–323.

Британский социолог Маркус Морган (Школа социологии, политологии и международных исследований Бристольского университета, Великобритания) рассматривает принцип относительной автономности культуры и его эмпирическое проявление на

примере реакции правительства Великобритании на пандемию COVID-19 в первой половине 2020 г. М. Морган полагает, что трудности в публичном осмыслении вируса повлияли на легитимность правительства, общественное поведение и контроль за распространением вируса и самое главное – на смертность, масштаб которой, по мнению автора, мог быть значительно меньше. Основываясь на анализе новостных и аналитических публикаций в СМИ, а также постов ключевых акторов в Интернете, Морган изображает происходившие события в качестве последовательно разворачивающегося ритуала, или социальной драмы, со своими устойчивыми нарративами. Именно эти устойчивые конструкции и определяли, как будут кодироваться морально неоднозначные события, связанные с пандемией, и как будут распределяться роли (проходить кастинг), определяющие агентность тех или иных участников драмы. Цель работы заключалась в том, чтобы продемонстрировать важность изучения культуры в качестве самостоятельного феномена, независимой переменной, влияющей не только на, собственно, культурную сферу, но и на социальную жизнь: публичную политику, политическую легитимность и управление общественным здоровьем. По мнению автора, данное исследование показало, что вирусная угроза не может быть преодолена ни исключительно мерами рационального эпидемиологического контроля, ни даже с технократических позиций публичной политики и PR: «культурные процессы должны быть признаны лежащими в основе как общественного здравоохранения, так и управления государством, поскольку культура есть средство, через которое эти практики неизбежно осуществляются» (с. 314). Также данное исследование, по мнению Моргана, вносит более частный вклад в культуросоциологию благодаря демонстрации роли нечеловеческих акторов в протекании социальной драмы, важности метафоры как инструмента формирования политического действия и значения кастинга в смыслообразовании и определении ответственных в эмоционально-заряженных ситуациях столкновения со смертью.

Основной теоретический ресурс автор черпает из литературной теории, культуросоциологии, социальной философии, а также социальной антропологии. Понятие «кастинг», являющееся одним из ключевых концептов исследования, вводится автором с опорой на символический интеракционизм и теорию театра импровиза-

ции. Кастинг, по Моргану, представляет собой процесс включения публики в импровизированное театральное представление с тем отличием от классического театра, что там постановщики и актеры-импровизаторы действуют в условиях неопределенности: всегда найдется человек в зрительном зале, который не захочет «играть по правилам», а, по сути, будет активно саботировать навязываемый театральными деятелями смысл происходящего. Далее автор проводит связь кастинга с понятием интерpellации – его использовал Л. Альтюссер для анализа осуществления государством социального контроля через идеологию. Интерpellация представляет процесс, с помощью которого люди осознают свою личную принадлежность к институтам и начинают воспринимать себя как субъектов. Фактически этот процесс разворачивается, когда человека кто-то окликает – и когда он, понимая, что окликают именно его, реагирует. Однако Морган использует теоретическую интуицию Л. Альтюссера иначе и наделяет акторов большей свободой сопротивления символическому воздействию отчасти для того, чтобы ввести коронавирус в качестве актора в свою модель.

Процесс кастинга, как пишет Морган, может быть успешным только при условии включенности в более широкую диахроническую картину социальных процессов, которая описывается понятием социальной драмы. По В. Тернеру¹, на которого во многом опирается автор, социальная драма и жанры художественной культуры в принципе находятся в диалектических отношениях: вымысел несет на себе печать реальности, а реальные люди черпают образцы поведения из вымысла. Нарративы, особенно повествовательные, формируют архетипическую модель социальной реальности, в которую акторы (зная или не зная о силе нарративов) могут облачать свою повестку для обеспечения нужного социально-политического действия. Драма же как явление, наиболее близкое по смыслу пандемии, представляет конфликтное повествование – и у такого сюжета есть определенные типы. Ссылаясь на филолога Н. Фрая, Морган выделяет пять модусов взаимодействия героя и аудитории драмы: 1) мифический, в котором герой по сво-

¹ См., например: *Turner V. Dramas, fields and metaphors : symbolic action in human society.* – Ithaca (NY) : Cornell univ. press, 1974; *Turner V. Social dramas and stories about them // Critical inquiry.* – 1980. – Vol. 7, N 1. – P. 141–168.

ей природе превосходит других людей и свое место (он – часть божественного мира); 2) романтический, когда герой по своим качествам превосходит других людей и свое место, законы природы для него как бы «приостановлены»; 3) высокоимитический (high-mimetic), когда герой, как и все люди, подчиняется законам природы, но имеет способности изворачиваться и преодолевать их (такой тип героя характерен для «Поэтики» Аристотеля); 4) низкоимитический (low-mimetic), этом случае герой – обычный человек, с которым мы можем себя полностью соотнести; 5) ироничный (здесь присутствует жалкий и абсурдный герой, смотря на которого читатель понимает, что сам превосходит его)¹. Особое внимание автор уделяет высокоимитическому взаимодействию, в рамках которого герой функционирует как центр сплочения группы, как дюркгеймовский тотем, по своей природе более сакральный, чем его денотат. Такие ритуальные стремления в современном обществе не удивляют автора: он, ссылаясь на «Теорию романа» Д. Лукача², показывает, что в текущих «псевдо-ритуалах», лишенных священного в буквальном смысле, общество все равно страстно стремится к коллективным идентичностям и солидарности. Но в то же время Морган подчеркивает, что за счет высокой социальной дифференциации участие в ритуалах далеко не гарантировано и зависит целиком от искусности «режиссеров».

Эту искусность (или ее отсутствие) Морган анализирует в эмпирической части своей работы. Автор хронологически сводит описываемые события и соответствующие им аспекты смыслообразования в очередность фаз. Первая начинается в январе 2020 г. Морган характеризует этот этап кризиса как профанное низкоимитическое взаимодействие. Начиная с января, когда британскому правительству стали поступать отчеты о вспышке заражений вирусом в Китае, оно либо игнорировало драматизацию, либо намеренно ей препятствовало, нивелируя угрозу эпидемии и ее естественные культурные ассоциации с апокалипсисом. Так, в течение января представители органов здравоохранения ничего не говори-

¹ Frye N. *Anatomy of criticism : four essays.* – Princeton (NJ) : Princeton univ. press, 1957. – P. 33–34.

² Lukács G. *The theory of the novel : a historico-philosophical essay on the forms of great epic literature.* – Cambridge (MA) : MIT press, 1971.

ли о коронавирусе. Лишь к концу месяца они публично оценили риск для общественного здоровья в Великобритании как «очень низкий». Б. Джонсон, премьер-министр Соединенного Королевства, в начале февраля выступил с речью, где особенно подчеркнул в первую очередь экономические риски эпидемиологических ограничений, вызванные паникой от коронавируса. В течение всего февраля, когда г. Ухань жил в режиме жесткого локдауна, стали появляться исследования о реальной опасности коронавируса для здоровья. Хотя на совместной конференции Б. Джонсона с медиками один из них и заявил о теоретической опасности, он сразу же добавил, что смертность будет «максимум 1% от группы риска» (с. 284). Позже Б. Джонсон с воодушевлением рассказывал, как пожимал руку больным коронавирусом. Премьер-министр и его команда всячески определяли смысл происходящего в низкомиметическом ключе, который буквально совпадал с определением Н. Фрая: «относитесь к жизни как всегда» – или можно дополнить это рекомендацией «мытья рук, в течение которого нужно два раза спеть “Happy birthday”» (с. 283). Поддержание низкомиметического нарратива продолжилось и в марте, когда официально было объявлено о более 100 случаях заражения в стране. В это время в публичный дискурс со стороны органов здравоохранения было запущено понятие коллективного иммунитета, которое переводится дословно как стадный иммунитет (*herd immunity*) и практически недвусмысленно намекает на отношение правительства к гражданам: «ваши смерти, конечно, трагичны, но вы, как стадо, должны естественным образом переболеть» (с. 287). Только в середине марта, замечая, как в соседних странах началась драматизация болезни и введение повсеместного локдауна, ситуация начала меняться, причем снизу вверх: люди, например, просто отказывались выходить на работу или отводить детей в школу – по сути, отказывались играть те роли, которые им дали на кастинге. Это вынудило правительство 23 марта 2020 г. ввести локдаун. По расчетам ученых, если бы правительство ввело его раньше, хотя бы 14 марта, смертность могла быть в два раза ниже.

Представители исполнительной власти Великобритании заметили, что они стали терять инициативу определения нарратива. Началась новая фаза социальной драмы, проходящая в высокомиметическом ключе. Поворотным моментом, или перипетией в бук-

вальном смысле этого древнегреческого понятия, стал слоган «Stay home – Protect the NHS¹ – Save lives», который регулярно звучал или демонстрировался на пресс-конференциях правительства, в СМИ и распространялся через телефонные обзвоны и почтовые рассылки. Стоит отметить, что через эти нарративы правительство возлагало ответственность за преодоление кризиса на граждан. Многократно подкрепляло это все более широкое использование военных метафор; они способствовали моральной поляризации, увеличивая угрозу, представляемую вирусом, до уровня образа воинственного захватчика. Ассоциации со Второй мировой войной, являющейся важной частью национальной идентичности британцев, возникали в прессе с использованием слов «блицкриг», «поражение», «нападение», «предатели» и т.д. Особенно заметным был пример ветерана, который для сбора средств в поддержку органов здравоохранения прошел 100 кругов по саду в честь своего столетия (впоследствии его даже посвятили в рыцари). Метафоры эффективно упростили понимание вируса и его опасности, ведь последняя в реальности не так очевидна, как летящие пули на реальной войне. Данное смыслообразование легитимировало чрезвычайное государственное вмешательство, необходимое для перехода к пороговой фазе изоляции 23 марта. Также была обеспечена тематическая основа для ритуальной деятельности, превратившая тех, кому было поручено непосредственно бороться с вирусом, в национальных «героев», готовых рискнуть своей жизнью ради здоровья нации. Хотя сами «герои» не ожидали, что должны будут умирать из-за просчетов правительства (с. 297), притом что до пандемии в адрес системы здравоохранения сыпались либертарианские по духу обвинения в неэффективности. В то же время правительство пыталось изобразить ученых как тех, кто несет большую ответственность за государственную политику в области здравоохранения, чем само правительство. Эта нарративная инфляция достигла своего пика, когда Б. Джонсон попал в больницу с коронавирусом. Данный момент «переместил» историю из трагического жанра драмы в еще более высокий романтический жанр легенды, наделив премьер-министра сверхчелове-

¹ National health service (Национальная система здравоохранения). – *Прим. реф.*

скими способностями в борьбе с вирусным антагонистом. Политики, как британские, так и иностранные, заявляли, что Джонсон справится, потому что «он борец, никогда не останавливается и не сбегает». Газеты публиковали истории о том, как он до этого побеждал на выборах буквально вопреки всему, а члены правительства говорили, что они «все в этой ситуации заодно» (с. 302). Перевод драмы из низкомиметического модуса в романтический сплотил общество, воодушевил его на борьбу с уже практически «живым» вирусом. Рейтинги одобрения правительства взлетели.

К началу мая показатели смертности от коронавируса в Великобритании были уже первыми в Европе и вторыми в мире. И в этот момент (5–10 мая) правительство заявило, что критическая фаза кризиса скоро будет пройдена и уже летом работникам нужно будет вернуться в офисы, детям – в школу, а магазины откроются, поскольку длительный период вынужденного простоя повредит экономике. Б. Джонсон вместо описания вируса как «сакрального зла» начал все чаще называть его «грабителем» (*mugger*, второе значение – переигрывающий актер, кривляка). Первая фраза главного правительственного слогана сменилась на «Stay alert», а его обрамление из красного стало зеленым. Все это вызвало массовую фрустрацию и критику как у широкой общественности, так и среди ученых-бихевиористов, которые консультируют правительство и эту идею не предлагали. Рейтинг одобрения правительства резко упал, причем даже ниже, чем он был в начале пандемии; его впервые перевесил рейтинг неодобрения. Многие родители были напуганы, а школы прямо отказались исполнять рекомендации правительства. Перевод социальной драмы из высокоимитического и даже романтического модуса в низкомиметический, по мнению Моргана, был необходим правительству для восстановления ситуации «подвешенной ответственности» (*free-floating responsibility*), когда свои ошибки можно списать на паникующих граждан или ученых. Провал этого маневра автор связывает с тем фактом, что так свободно играть с жанрами нельзя – они являются шаблонными (*generic*), т.е. структурированными и относительно замкнутыми. Неоднозначность в соблюдении общих правил – в описании того, что представляла собой реальная угроза (был ли это все еще вирус или это уже последствия противодействия вирусу?), насколько серьезно следует воспринимать эту угрозу, какие воз-

возможности существовали для борьбы с ней и что на самом деле означала новая повестка, сжатая в пересмотренных лозунгах, – привела к путанице в отношении того, какую историю пытается рассказать правительство (с. 311).

Помимо жанрового рассогласования нарративов правительства Морган также обращает внимание на их перформативную несостоятельность. Особенно ярко это проявилось в скандале с советником Б. Джонсона, политтехнологом Д. Каммингсом, который являлся автором кампании Брексита и упомянутых выше пандемических слоганов. Во время жесткого локдауна 22 мая Каммингс был замечен почти в 300 км от Лондона в доме родителей в Дареме. Более того, он и его жена ранее писали в «Твиттере», что заражены. Правительство выпустило пресс-релиз, где заявило, что Каммингс, зная о болезни жены, поспешил на помощь своему сыну, который находился с ней, чтобы обеспечить ему уход. При этом остальные граждане также сталкивались с подобными проблемами, однако, выполняя указания правительства, не выходили из дома. Среди общественности, ученых и даже однопартийцев Джонсона поднялась волна гнева, звучали призывы к отставке. В это же время в СМИ появились свидетельства того, что Каммингс был не только в Дареме, но еще и в живописном Барнард-Касле, примерно в той же местности. На пресс-конференции Каммингс не раскаялся в своих действиях, оправдав поездку в Дарем заботой о семье. Он также подтвердил, что ездил после этого в Барнард-Касл для того, чтобы проверить зрение, которое ухудшилось из-за болезни. Тот факт, что плохо видящий Каммингс почти полтора часа сам вел машину, а его имевшая права жена сидела рядом, в день, совпавший с днем ее рождения, был однозначно прочитан гражданами как неприемлемый. Рейтинг Б. Джонсона упал разом на 20 пунктов до 1%, а одобрение правительства – на 16 пунктов до 2%. Виной тому, как пишет Морган, была несостоятельность игры правительства в рамках выбранного жанра: навязывая конкретный смысл карантина, оно своими действиями вновь открыло его для интерпретации, поскольку «коллективные репрезентации не говорят сами за себя» (с. 313). Реальная легитимность была потеряна вследствие культурного конфликта.

В заключение Морган предлагает несколько вариантов развития ситуации. По схеме ритуала Тернера¹ лиминальная фаза должна заканчиваться либо реинтеграцией, когда прежняя структура немного изменяется, либо схизмой, конституирующей перманентный разлом между ранее противоположными частями единой структуры. Первое может произойти, когда вирус станет привычной частью жизни и будет считываться в низкомиметическом модуле. Второй сценарий возможен с распространением вакцины и/или политическими санкциями правительству со стороны общества. Однако Морган предлагает рассмотреть и такое будущее, в котором за лиминальной фазой последует широкое стремление общества к реконфигурации социальных отношений. По данным опросов, всего 9% британцев хочет, чтобы после пандемии все стало как раньше. Возникает мнение, что постковидная эпоха должна будет походить на более эгалитарную эпоху, последовавшую за Второй мировой войной, с ее социальными гарантиями и т.п. (с. 315).

Подводя итог проделанной работе, Морган подчеркивает важность исследования схожих процессов в синхронной манере: на примере нескольких стран в один и тот же период времени. Такое исследование должно пролить свет на каузальную связь между относительной автономностью культуры, политическими мерами и реальным поведением людей. Автор особенно отмечает потенциал изучения коронавируса в этом контексте, поскольку его поведение индифферентно в отличие от людей, которые постоянно рефлексиируют и по-разному ведут себя, казалось бы, в одних и тех же условиях.

*А.А. Оганян**

¹ Turner V. The ritual process : structure and anti-structure. – Chicago (IL) : Aldine publishing company, 1969.

* © Оганян А.А., реферат, 2022

Оганян Артём Ашотович – студент факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: aaoganyan@edu.hse.ru

Oganyan Artyom Ashotovich – Student of the Faculty of Social Sciences, National Research University «Higher School of Economics». E-mail: aaoganyan@edu.hse.ru